

Алтайы ОРАЗБАЕВА,
доктор исторических наук, профессор.
г. Астана

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ НАРОДА ВОЛЬНОГО

Сущность казахской государственности определяется не только реально существующим соотношением сил, но и накопленными в ходе исторического развития представлениями о мире, ценностях, образцах поведения и другим культурным капиталом. Соответственно, характеристики казахской государственности на разных этапах ее развития содержат научную оценку того, что и когда было эффективно и полезно по критериям качества жизни, то есть «человеческого измерения», а что, наоборот, было ошибочным, вредным, вело в тупик и породило

неразрешимые противоречия. Все это, разумеется, сегодня необходимо рассматривать с учетом конкретных исторических особенностей, знания казахской культуры, традиций, национальной и социальной психологии, религиозного и вообще, духовного развития Казахстана на том или ином этапе.

Таким образом, для осмысления природы казахской государственности необходимо изучение государственной власти в генезисе, начиная с ранних кочевых государств саков, гуннов, уйсуней, тюрков, монголов, казахов, учитывая наиболее значимые государственно-правовые рефор-

Совет биев

мы, начиная с эпохи правления Моде шаньюя, каганов Бумына, Истеми и заканчивая преобразованиями собственно казахских ханов — Есима, Касыма, Тауке, Абылая, Кенесары. В этом контексте необходимо лишь различать функциональную особенность социополитических институтов в цивилизации кочевников евразийских степей. А заключалась эта особенность в выполнении не столько вопросов политико-правового характера, сколько комплекса социальных, культурно-духовных начал, их целостного разрешения. Так, например, изначально заложённая в тюркскую концепцию государства первая и основная обязанность правителя — это способствовать проживанию народа в благоденствии. Из этой обязанности вытекала следующая — укрепление вооружённых сил, завоевание новых земель, покорение новых стран. Не оправдавшие доверие народа степные правители нередко подвергались со стороны своих подданных обычаю «хан талау». В этом случае назревавший в обществе конфликт обычно разрешался мирной откочевкой населения.

Страницы средневековой истории Казахстана содержат немало тому примеров, в частности, достаточно вспомнить ханов Бурундука и Тахира, вызвавших своим бездействием и игнорированием нужд народа «период смут» в Казахском ханстве. В итоге они были изгнаны собственным народом и бесславно закончили свою жизнь на чужбине.

Таким образом, задача социополитических институтов в цивилизации кочевников евразийских степей состояла не в управлении, а защите интересов кочевого социума и сохранении целостности всего этноса. В традиционном казахском обществе каждый индивид пользовался трехуровневой системой защиты, во-первых, ханов, призванных защищать интересы государства и всего народа; во-вторых, биев, на уровне племён и жузов и, наконец, аскакалов на родовом уровне. В этой связи уместно упомянуть ещё один примечательный обычай казахов — «хан саркыты», отсутствующий у других народов. Суть этого интересного обычая заключалась в равном разделе между соплеменниками скота, принадлежавшего вновь избранному хану, поскольку считалось, что хану скот ни к чему. Ведь у него не должно быть иных забот, кроме благополучия своего народа, а если скот будет у его народа, значит, будет и у хана...

Специфика вертикальной социальной стратификации традиционного казахского общества заключалась в том, что она представляла собой не закрытую (более характерную для оседло-земледельческих обществ), а открытую, демократичную, легко приспособляющуюся к обстоятельствам внешней среды, основанную на социальной справедливости, самобытную потестарно-

политическую систему, базировавшуюся на принципе генеологического родства. Атрибутивными элементами при этом выступали всенародные Курултай, мажлисы (причем право не только участия в них, но и голос в решении принимаемых государственных вопросов, согласно «Жеты Жаргы», имел «всякий, могущий носить оружие» свободный казах, достигший 15-летнего возраста); советы ханов, биев, институты жырау, батыров. По утверждению исследователей, в тех случаях, когда власть хана не отвечала интересам кочевой знати или ущемляла ее права, степная аристократия зачастую вступала с ним в открытую вооружённую борьбу. Об этом свидетельствуют содержания обращений жырау к степным правителям:

*Я не скажу, ты и не будешь знать,
Скажу, не шевельнешь ресницей.
Враги народ твой продолжают рвать,
А ты с дозором не был на границе...
Напился кумыса. Лежишь, краснея,
От восхищения собой, потея,
Как будто в мире хана нет сильнее,
Слова цедишь или кричишь, зверея.
Асан Қайғы или Марғаска-
жырау: Эй, катаганов хан, Турсын,
Клятвопреступник, подлый сын,
Зачем безвинный бьешь народ?
Взывая к богу, он ревет.
И ты не хан, ты подлый волк,
В кошмарном сне присниться мог.
Сейчас ты возлежишь на троне,
Но вот конец твой недалек!*

(Перевод О. К. Жанайдарова)

Следовательно, закономерным выглядит то, что управленческие структуры кочевых государств, стоявшие над традиционными социальными институтами, складывались у кочевников не в результате классообразования, а на базе военной и родоплеменной организации. И государственная власть здесь исторически возникла через переход военно-демократических форм в военно-потестарные структуры, в вождества. А от вождеств уже в государственную структуру так называемым в государствоведении «аристократическим путем». Такие системы общественных связей лежат как в основе военной организации номадов — народа-воина и являются, прежде всего знаком культурной традиции кочевников, так и в основе политической организации «народа вольного» (КАЗАХ!), независимого, свободного, выступающего также знаком своей культурной самоидентичности.

Даже социополитические структуры улуса Джучи, Ак Орды, Моголистана, Ногайской Орды, ханства Абулхаира, несмотря на унаследование ими типичных для империи Чингисхана автократических государственных форм управления, представляли собой несколько иные, приспособленные к кочевой среде, более демократичные надстроечные институты. В качестве примеров можно привести некоторые термины тюркского происхождения, использованные монголами в военном деле и государственном управлении: орда, оглан, би, жырау, тархан, түмен, жарлық, тамғашы, бітікші, жасауыл, шығын, түтін и другие.

Итак, особенность организации общества по принципу кровного родства обусловила сложение альтернатив-

ного типа государственности цивилизации кочевников евразийских степей, где народ выступал одним из источников политической власти. По словам современного турецкого исследователя Садри Максуди Арсала, «в тюркских «илях» было три субъекта власти: хан, бей и народ («будун»). Участие во власти этих трех элементов различно. Если власть хана всеобъемлюща, то власть беев относительно ограничена. А власть народа проявляется только в определенное время. Однако согласно воззрениям тюрков, народ являлся постоянным источником власти».

В тюркских государствах население (бодын, жүрт, халык) представляло собой не только подданных, но играло определенную роль в управлении государством и при этом обладало большим влиянием. То есть, подданные не только участвовали в курултаях и его решениях, в избрании ханов, беков, но, прежде всего, служили одним из источников формирования законов «төре» — основных принципов государства, которым одинаково подчинялись и правители, и подданные. Таким образом, фактором, определяющим статус народа в кочевой среде, необходимо считать исполнение им роли носителя традиций, обычаев, веры и воззрений, которые являлись основой и достоинством государства.

Общезвестно также то, что начиная с древности, представления о власти у кочевников евразийских степей ассоциировались с традиционностью и сакральностью, справедливостью и законностью. Такие архетипы восприятия власти существовали и в традиционном казахском обществе XV–XVIII веков. Согласно классификации исследователя Е. Шацкого, такой архетип относится к интегральному типу традиционализма, когда в течение длительного времени остаются неизменными, соблюдаются и достоверно воспроизводятся в этнической среде усвоенные традиции, как ценные для жизни и обеспечивающие ее благосостояние, знания и опыт.

Таким образом, традиционная власть в кочевом обществе была основана на личном характере, преданности и вере в святость легитимно избранного лица, управлявшего своими подданными на основании закона и справедливости. Отсюда вытекает характерность черт консенсуальности, сакральности, демократичности власти в кочевой среде. Так, представление о правителе, как о некоей харизматичной личности, от которой зависит благосостояние всего народа, было широко распространено среди тюрков. Ханам приписывали «обладание» небесной (священной) благодатью — «кұт». Такая благодать не только давала право на власть, но считалась принадлежностью всей правящей династии. В современных тюркских диалектах до сих пор сохранилось множество значений слова «кұт», пришедших из древнетюркского языка. Это — душа, жизненная сила, достоинство, отвага, удачливость, везение, счастье, благоденствие... Для нас особую значимость обретает еще один смысл этого слова: мощь политической власти, сила и правомочие управление государством, величие власти. Несомненно, слово «кұт», входившее в титулы всех тюркских правителей, содержало в себе более глубокий смысл, отличающийся от смысла «счастье».

Согласно тюркской концепции, у государства — «ел» кроме задач водворения мира и порядка существовала более высокая цель обеспечения закона и справедливости. Вот что говорит об этом герой «Благодатного знания» Жусупа Баласагуни хан Кюнтотды:

*Я — знак справедливости, правды закон,
Пойми, чем и славен, и праведен он...
Вот трон, на котором сижу я всевластно,
Взгляни: три ноги его держат согласно.
Незыблемо прочен треногий предмет:
Все ножки недвижны, качания нет.
Но если из трех хоть одна подкосится,
Дано и другим, и сиденью свалиться...
Взгляни на меня: я всегда справедлив,
А правды и кривды ведь тонок извив.
По правде вершу все дела я привычно,
А бек или раб предо мной — безразлично.
Для власти во всем справедливость — основа,*

Решение старейшин: айып или наказание

*И власть лишь во правде жива и здорова...
Крепка только власть справедливости строгой,
Путь бека — идти справедливой дорогой.
Благи для людей моей власти свершенья:
Где прочен закон, там цветут и каменья...*

В этих стихотворных строках невозможно не заметить взаимосвязи запечатленного автором образа «серебряного трона хана на крепком треножии» с тремя классическими субъектами кочевых государств (ханы, бей и будуны), с тремя представлениями о власти (закон, справедливость, құт), с тремя казахскими жузами, не говоря уже о трехчастном восприятии кочевниками пространства, времени и космоса. В конечном итоге, все перечисленные феномены обусловлены изначальным поиском гармонии кочевника с самим собой, обществом и окружающей природой. Следовательно, и формула казахской государственности построена на ценностных и нравственных началах, и всякие изыскания в ней признаков классовой природы форм собственности заранее обречены на провал.